

Особенности восприятия провинциальными рабочими революционной агитации в 1905 году (на материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний) // Провинция как социокультурный феномен. Сборник научных трудов участников VIII Международной конференции 18-27 мая 2000 года. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2000. – Т.1. – С.76-84.

Роль политической агитации в революционных событиях начала XX века широко изучалась в советской историографии. Деятельность политических партий и агитаторов рассматривалась как необходимое связующее звено между неудовлетворительным материальным и правовым положением рабочих и их социальной активностью. При этом, зачастую, рабочие рассматривались как объект воздействия, пассивная масса, которая нуждается в организации со стороны внешних сил. В исследованиях последних лет предметом изучения стали не только программные цели и деятельность политических партий, но и ответная реакция на них рабочих.¹ Это позволяет рассмотреть весь спектр настроений рабочих, их способность к самоорганизации и реальные проблемы политической агитации в рабочей среде. Наиболее продуктивно изучение поставленных вопросов на материалах революционной борьбы в провинции, где прочнее были укоренены традиционные отношения, сохранялась связь значительной части рабочих с деревней и политическая самоидентификация рабочих шла параллельно с развитием революционных событий.

Прежде всего, организаторам стачечных выступлений рабочих приходилось сталкиваться с архаическими чертами в рабочем движении. Забастовки сопровождалась разгромом фабричных помещений, порчей оборудования, неадекватным поведением бастующих. Подобные эксцессы были обычным явлением в дореволюционный период. Стачка на фабрике Д.Г.Бурылина в Иваново-Вознесенске в октябре 1901 г. сопровождалась разгромом станков. В 1903 г. рабочие фабрики А.Баранова в г.Александрове Владимирской губернии разгромили квартиру заведующего фабрикой и пристава. В Костроме летом 1903 г. бастующие рабочие Михинской фабрики выбили стекла в фабричных корпусах и конторе, прервали телефонную связь.² Первые забастовки в Костроме в 1905 г. вспыхнули в начале февраля. Рабочие фабрики бр. Зотовых доставили немало беспокойства и властям, и организаторам стачки. Активное ядро стачечников насчитывало 397 человек. 4 февраля они предприняли насильственные меры к остановке работ.³ Организаторам пришлось на сходке 4 февраля уговаривать рабочих не ломать машин и заборов, не бить окна, не громить казенок.⁴

Своеобразно проходила стачка на предприятиях Красильщиковых в с.Родниках Юрьевецкого уезда Костромской губернии с 1 по 11 июля (6059 чел.). Руководил стачкой ткач П.А.Моругин, работавший до 1903 г. в Иваново-Вознесенске и поддерживавший связь с ивановскими забастовщиками. По его инициативе рабочие на сходке 1 июля избрали около 200 депутатов. В числе требований, принятых на следующий день, названы: восьмичасовой рабочий день, свобода слова, союзов, собраний, равноправие рабочих и приказчиков, выплата наградных всем рабочим, своевременная доставка рабочим газет. Все это казалось бы говорит о политическом характере стачки.⁵

В то же время обнаружились черты архаической стачки. В начале выступления рабочие на коленях принесли Моругину клятву исполнять все его требования. 2 июля, сорвав переговоры с владельцем, Моругин потребовал от депутатов дать подписку, в случае его

увольнения платить ему ежемесячно по 30 руб., что те и исполнили. В ходе стачки подверглись избиениям подмастерье Бобков, ряд рабочих и выборный депутат Петров, за то, что его усилия по ведению переговоров с владельцем оказались удачными. За 4 дня с 1 по 5 июля прошло 7 собраний рабочих, затем они разошлись по деревням.⁶

Собравшись на фабрику 11 июля, рабочие посылают к Н.М. Красильщикову новых депутатов во главе с А.Т.Решовым. Был составлен адрес с просьбой возобновить работы. Отслужен молебен о здравии Государя. Никаких новых уступок, кроме объявленных еще утром 4 июля, для изменения позиции рабочих не потребовалось. По просьбе рабочих 2 роты солдат, прибывшие в с. Родники 5 июля, были оставлены до полного успокоения.⁷ Моругин на предприятии больше не появился.

Постепенно организаторы стачек начинают сознательно использовать погромные настроения рабочих для активизации стачечной борьбы или продления забастовки. Так, одной из характерных черт летней общегородской стачки 1905 г. в Иваново-Вознесенске стало погромное движение бастующих. Начало ему положило нападение казаков 3 июня на рабочую сходку на р.Талке. До сих пор мирно протекавшая стачка отныне сопровождалась беспорядками, разгромом винных лавок, поджогом складов. 24 июня, после отказа фабрикантов приехать в Иваново-Вознесенск для переговоров с рабочими начался погром, продолжавшийся 2 дня. Была разгромлена 71 торговая лавка. Убытки составили приблизительно 90-100 тысяч рублей. Причем объектом грабежа становились не столько винные, сколько бакалейные и мучные лавки. Разгромлен склад муки. Были сожжены дачи Н.Бурылина и Л.Бурылина, М.Гарелина, А.М.Гандурина, Н.Т.Щапова, А.Дербенева, Ямановского, купца Генералова. Только за ночь с 24 на 25 июня прервано 19 телеграфных проводов.⁸ Можно предположить, что стихийность сочеталась с определенной организацией погрома. Известно, что многие лавочники откупились от погрома деньгами, на уцелевших лавках были обнаружены надписи мелом: «Не трогать, уплачено 20 рублей».⁹ Сумма несопоставимая с убытками владельцев пострадавших лавок. Кто занимался организацией погрома и взиманием средств с лавочников, остается неясным. Финансовая и продовольственная комиссии Совета рабочих депутатов награбленные деньги не принимала. Один из депутатов, рабочий Е.А.Дунаев на сходке 25 июня упрекал народ в погроме лавок и советовал отнести деньги обратно торговцам¹⁰

Наиболее сложная проблема, с которой сталкивались партийные активисты на протяжении всей революции – неприятие рабочими политической агитации, особенно направленной против царя и самодержавия. 19 февраля 1905 г. начальник рыбинского отделения Санкт-Петербургско-Виндавского жандармского полицейского управления железных дорог сообщал, что во время забастовки в рыбинских железнодорожных мастерских и депо 14-17 февраля ежедневно в районе дороги и около мастерских разбрасывались прокламации, «которые или уничтожались поднимавшими их, или передавались подведомственным мне унтер-офицерам»¹¹. 11 октября полицейскому уряднику Яхонтову рабочие фабрики Кузнецова в Романово-Борисоглебском уезде Ярославской губернии передали прокламации РСДРП «К гражданам», распространяемые дворянином Н.Н.Бутлеровым¹²

В ходе общегородской стачки в июле 1905 г. в Костроме не сразу удалось преодолеть консерватизм рабочих. При остановке работы не обошлось без рукоприкладства по отношению к тем, кто не хотел бастовать. Организаторы старались не допускать политические речи «против царя», что могло сорвать забастовку¹³. Фрунзе М.В. отмечал невосприимчивость рабочих в начале Иваново-Вознесенской стачки к политической агитации¹⁴. Действительно, недовольство политическими речами проявилось уже во время первого общегородского 40-тысячного митинга, состоявшегося 13 мая перед городской управой. Речь студента Кашинцева о политической свободе была прервана рабочими, заявившими, что требуют «прибавки

жалования и некоторых улучшений».¹⁵ Во время собрания и демонстрации 23 мая¹⁶ выставили более близкий для рабочих лозунг «Долой войну!». На митинге 24 мая на Талке при участии 5 тыс. рабочих, разъяснялись цели деятельности РСДРП. Е.А. Дунаев проводил мысль о возможности применения силы в борьбе за удовлетворение требований. На митинге 25 мая на Талке рабочие выясняли вопрос о своей ответственности за стачку, законности принимаемых хозяевами мер давления на бастующих. Для разъяснения этих вопросов был приглашен Старший фабричный инспектор. Чувствуя интерес рабочих к правовым вопросам, оратор – социал-демократ постарался связать в своей речи историю российского фабричного законодательства с историей рабочего движения. Речь была встречена аплодисментами. Так, используя недовольство рабочих русско-японской войной, учитывая их опасения по поводу законности забастовки и заинтересованность в законодательной разработке рабочего вопроса, ораторы постепенно внедряли в сознание рабочих идеи политического характера. 26 мая приезжий оратор уже беспрепятственно агитировал за обращение рабочих к силовым методам борьбы.¹⁷

В результате неудачи продолжительных коллективных и летних общегородских стачек обнаруживается новообразование в сознании рабочих – разочарование в стачке, как форме борьбы. Виновниками тяжелого положения рабочих видят теперь не только фабричную администрацию и владельцев предприятий, но и вчерашних руководителей движения. С 14 февраля по 8 марта продолжалась коллективная стачка на фабриках Морозовых, а в ходе волнения на фабрике Викулы Морозова 18 марта был избит агитатор минувшей стачки – Морев и убит рабочий, подозреваемый в доносах.¹⁸ Рабочие Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры, фабрики З. Кокушкина и К. Маракушева, в июле 1905 г., еще в ходе общегородской стачки, начали гонения на депутатов. В августе эта тенденция распространилась на Товарищество Куваевской ситценабивной мануфактуры, фабрики наследников Н.Ф. Зубкова, Ивана Гарелина с сыновьями, Я.Н. Фокина и Н. Дербенева. Формируются настроения, нашедшие выражение в октябре-декабре 1905 г. в монархическом и погромном движении.¹⁹ Даже спустя год после Иваново-Вознесенской общегородской стачки, рабочие негативно относились к призывам забастовать.²⁰

К октябрю 1905 г. настроения рабочих радикализуются. Это выразилось в значительной политизации движения. В провинцию начали поступать известия о забастовке в Москве. 9 октября рабочие вагонных мастерских станции Урочь решили присоединиться к железнодорожной стачке. В Костроме на митингах ораторы социал-демократы поднимали вопрос о всеобщей политической забастовке.²¹ На четырех собраниях в Ярославле звучали требования об освобождении арестованных, на трех собраниях шел сбор средств в пользу бастующих.²² На митинге в Демидовском лицее 12 октября ораторы поднимали глобальные политические вопросы: о бойкоте совещательной Государственной думы, созыве Учредительного собрания, о характере избирательного права.²³

Особенностью рабочего движения после издания Манифеста стал всплеск митингового движения. 70 проц. октябрьских митингов, собраний и демонстраций пришлось на последнюю декаду месяца. Эти выступления приобрели самостоятельную роль. Если в январе-сентябре 51,6 проц. митингов и собраний были сопровождающим элементом рабочих забастовок, то теперь этот процент снизился до 18,1.

Митинги и собрания носили преимущественно политический характер. Из 105 митингов, собраний, демонстраций, прошедших в регионе с 18 по 31 октября, 48 были посвящены обсуждению и оценке Манифеста, на 3-х звучали требования созыва Учредительного собрания, в 4-х случаях – всеобщего, прямого, равного, тайного избирательного права. Спектр обсуждаемых проблем очень широк: разъяснение демократических свобод, преимуществ зако-

нодательной Государственной думы, организация городской милиции, требования ликвидации чрезвычайных законов и политического сыска, подчинение полиции общественному управлению, удаления войск и казаков, и многое другое.

Однако, определенная часть населения не понимала и не испытывала нужды в дарованных гражданских свободах, а Манифест 17 октября восприняла как панацею от всех существующих бед. Выделим лишь крайние примеры. Так, 20 октября на собрании в дворянском клубе г. Муроме, организованном купцами Суздальцевыми, прозвучало крайне широкое толкование Манифеста в духе передела земель, уравнивания сословий, капиталов и имуществ.²⁴ На митинге в г. Угличе Ярославской губернии 22 октября ораторы разъясняли смысл Манифеста, заявили о переходе «от прежнего порядка, при котором все, от высшего до низшего начальства брали взятки и воровали, к новому, когда этого не будет».²⁵ Наиболее яркий и даже комичный пример неадекватного восприятия Манифеста сохранился в рапорте полицейского надзирателя при фабрике Красильщиковой с Сыновьями в селе Родниках Юрьевоцкого уезда Костромской губернии. Здесь 20 октября вечером, по получении поздравительной телеграммы от владельца, главный механик фабрики Борнеман организовал митинг с участием рабочих и интеллигенции. Борнеман разъяснил Манифест по пунктам и в завершении своей речи заявил, что произвол полиции окончен, она будет бороться только с грабежами и убийствами. Затем учитель Халезов, грамотно и толково разъяснил смысл Манифеста. В завершение, слово взял фабричный конторщик А.А. Ершов, «популяризовавший» речи предыдущих ораторов: «теперь, братцы, у кого коровы нет – дадут, у кого лошади нет – дадут, у кого земли нет – дадут...» Оратор, как и часть слушавших, был пьян. Расходилась публика с песней: «пей, товарищ, настало время свободы, долой синие мундиры, долой полицию». Шествие окончилось спором, кто достиг свободы – интеллигенция или рабочие. Решено было вынести этот вопрос на следующий митинг.²⁶ Интересно сравнить с этим сообщением газетную информацию: «20 октября в фабричном народном доме читался и комментировался Манифест; чтение сопровождалось возгласами: “да здравствует рабочий народ”, “да здравствует свобода!” На улице толпа рабочих пела революционные песни».²⁷

Оборотной стороной радикализации рабочего движения становится распространение среди части рабочих монархических настроений. Под патриотическими лозунгами проходила каждый шестой митинг или демонстрация. В Ярославской губернии они имели место в Ярославле, Ростове, Любиме. В Костромской – в Плесе и Макарьеве. Во Владимирской - в Коврове, Киржаче, Покрове, Александрове, Муроме, Владимире.²⁸ Центром патриотического движения, как прежде революционного, стал Иваново-Вознесенск. Патриотические манифестации сопровождались здесь молебнами и собирали, по разным оценкам, от 20 до 40 тысяч человек.²⁹

В ноябре прошло в 1,5 раза больше митингов, демонстраций и собраний, чем в октябре. Митинги становятся ареной дискуссий ораторов социал-демократов, эсеров и монархистов. Таковы митинги 6,11,21,25 ноября, 11 декабря в Костроме, 10 ноября в Буге, 2 декабря в Нерехте, 18 декабря в с. Вичуга Кинешемского уезда Костромской губернии.³⁰ 27,30 ноября, 3 декабря в Ярославле, 20-21 декабря в Рыбинске Ярославской губернии.³¹ 31 октября в г. Юрьеве Владимирской губернии.³² Конкуренция партий иногда принимала острые формы. 11 ноября в Костроме социал-демократы при поддержке части аудитории сорвали эсеровский митинг.

В октябре – декабре нередки случаи, когда деятельность агитаторов вызывала активный протест. На митинге около Ярославского вокзала 14 октября значительная часть рабочих требовала удаления агитатора Струкова как организатора забастовки.³³ 26 октября на митинге рабочих Ярославской Большой мануфактуры рабочие пресекли выступления «против ца-

ря»³⁴ В Иваново-Вознесенске 22 октября произошли столкновения демонстрантов и патриотов. В тот же день был убит один из руководителей летней стачки Ф.А. Афанасьев.³⁵ 23 октября начался погром. Первоначально его жертвами стали дома и магазины евреев. Пострадали 33 квартиры, 13 магазинов, одна еврейская молельня, две кузницы. Затем погромщики принялись за депутатов. Были разгромлены квартиры председателя Ивановского Совета А.Е. Ноздрина, депутатки К.И. Кирьякиной, агитаторов Ефимова и Якуб. 24 октября избиения депутатов продолжились. Погромщики мотивировали это тем, что «довольно потерпели от своих депутатов во время забастовки и желают их за это наказать». Общее число избитых, раненых, умерших от ран составило около 100 чел.³⁶ На фабрике Швецова в Суздальском уезде 4 ноября вспыхнула забастовка. 11 ноября сюда прибыла пропагандистка Коренева. Политические речи вызвали недовольство слушателей, вынудивших ее на следующий день покинуть фабрику.³⁷ 9 ноября прошла стачка на Ставровской м-ре Бажанова Р. во Владимирском уезде. Рабочие добились ряда уступок. 28 ноября на фабрику прибыл неизвестный оратор из г. Муром. Призывы к новой забастовке и противоправительственным действиям вызвали ярость, оратор был убит рабочими.³⁸ В этот же день, 28 ноября, в Гавриловом Посаде патриотически настроенные жители убили И.Мартынова за распространение брошюр. В ходе следствия обнаружилось, что Мартынов распространял правительственные брошюры «Партия правого порядка» и стал жертвой трагического недоразумения³⁹. Интересно, что данный факт попал в доклад министра внутренних дел Николаю II, но был значительно искажен. Дело было представлено, как убийство крестьянами оратора, выступавшего против царя⁴⁰. В Иваново-Вознесенске на патриотическом митинге 29 ноября, рабочий, пытавшийся возразить монархистам, был избит.⁴¹ В литературе описано убийство Ольги Генкиной на станции Иваново 16 октября. При значительной разнице в описании этого события в официальных источниках и периодической печати, бесспорно одно. О.Генкина подверглась нападению толпы численностью до 100 чел., среди которых было немало рабочих.⁴² Изгнание ораторов отмечено на митинге в г. Юрьевце 9,13 ноября, в с. Родники 12 декабря и в ряде других случаев. 29 ноября рабочие Кекинской фабрики в г. Ростове разогнали социал-демократический митинг, на который приехали железнодорожные служащие из Ярославля. Подобные примеры можно продолжить.⁴³ Они демонстрируют нетерпимое отношение определенной части населения и рабочих к революционерам-агитаторам.

Агрессивное либо осторожное отношение встречали приезжие агитаторы. Ярче всего данное явление иллюстрирует отношение к иваново-вознесенским депутатам и ораторам за пределами этого города.

Участники революционного движения отмечали авторитет и влияние первого рабочего Совета в регионе. «Иваново-Вознесенский Совет пользовался чрезвычайной популярностью не только в Иваново-Вознесенске, но и во всем регионе. Для связи с ним посылались делегации из ближайших фабрично-заводских пунктов: Тейково, Середы, Родников, Шуи, Кохмы и пр. В Иваново-Вознесенский Совет направлялись из соседних фабрик жалобы на притеснения фабрикантов и полиции с просьбами об установлении справедливости, об оказании помощи. Обращались с просьбами прислать ораторов, листки и инструкции». «Ивановский Совет фактически руководил стачечным движением всего района».⁴⁴ Но сохранились свидетельства иного отношения к посланцам ивановского Совета. Имели место самостоятельные выступления, на ход которых ивановские события не оказали влияния. Рабочие лишь использовали благоприятную для борьбы ситуацию, возникшую в связи с забастовкой в Иваново-Вознесенске, когда власти не могли расплыть военную силу.

16 мая на крупной фабрике Александры Каретниковой в селе Тейково около Иваново-Вознесенска началось волнение, переросшее с 19 мая в стачку. 20 мая при участии агитато-

ров из Иваново-Вознесенска прошло собрание, на котором были выбраны депутаты бастующих.⁴⁵ На этом влияние ивановцев ограничилось. 21 мая тейковские депутаты выработали требования преимущественно местного характера и 23 мая в присутствии полутора тысяч рабочих вручили представителю правления. Приехавший из Иваново-Вознесенска оратор пытался произнести речь. Это вызвало негодование рабочих. Его оттолкнули в сторону, а затем передали в руки полиции.⁴⁶ На последовавших 28 и 30 мая сходках ивановские ораторы не появлялись.

2 июня в селе Лежнево Ковровского уезда ивановские агитаторы пытались склонить к забастовке рабочих Лежневской мануфактуры (около 1500 человек). Несогласие местных рабочих и настойчивость ораторов повлекли ссору и драку. Иваново-вознесенские посланцы были избиты.⁴⁷

В конце мая – начале июня брожение охватило рабочих села Кохмы (близ Иваново-Вознесенска). На фабрике Ясюнинских прошло 2 стачки: 25-28 мая и 2-4 июня. Зрели построения в пользу всеобщей стачки Кохомских предприятий, но она не состоялась. Под угрозой закрытия фабрики 5 июня забастовщики вернулись к работе. Ивановский рабочий Шорин Г.И., слесарь фабрики Ясюнинских Купцов В.Н. пытались предотвратить возобновление работ, устроили демонстрацию. Однако иваново-вознесенцы из числа демонстрантов были избиты местными жителями.⁴⁸

Рабочие в ходе революции демонстрировали высокую степень самоорганизации. В конце мая – начале июня 1905 г. развернулась коллективная стачка предприятий Вичугского промышленного района Кинешемского уезда Костромской губернии. В ней приняли участие 16987 рабочих с 19 фабрично-заводских предприятий, а также ремесленники двух профессий. Руководство стачкой осуществляли сами рабочие: В.В.Пеньковиков в с. Бонячки, И.С.Ермаков, И.Х.Крупин, В.А.Голубев на фабрике Е.Абрамовой в деревне Чертовище, А.А.Кокурин на чугунолитейном заводе, Мудрецова в Новой Вичуге, В.В.Михеев, И.А.Козин, М.К.Маслеников, Н.В.Морокин на Тезинских предприятиях. Г.М.Лебедев в с. Райково, В.С.Бойцов на фабрике Ивана Коновалова с сыном в мест. Каменка. Бастующие собирались на многолюдные сходки, где обсуждали требования и ход стачки. Степень организации рабочих была очень высокой. Старший фабричный инспектор Костромской губернии И.Горбунов описал, как руководители стачки обеспечили ему возможность беседы с аудиторией в 15000 человек во время его приезда для разбора требований. «Ввиду отсутствия возвышенного места, кто-то из рабочих скомандовал “садись” и вся толпа, кроме представителей от рабочих и инспекторов, села». Беседа проходила спокойно. Это поразило фабрикантов, наблюдавших в подзорные трубы с фабричных вышек.⁴⁹

Сведений о руководстве стачкой со стороны каких-либо политических партий обнаружить не удалось. Известно, что социал-демократическая организация в Кинешме была создана группой студентов в конце 1904 – начале 1905 года. На фабриках Коновалова, Н.Разоренова и М.Кормилицина в селе Тезино, Севрюгова, братьев Разореновых в селе Дерябиха (так называемая «Ветка») существовали нелегальные кружки по самообразованию рабочих.⁵⁰ Однако две последние фабрики в стачке не участвовали. В ночь с 26 по 27 мая около села Тезино на месте рабочих сходок были разбросаны прокламации «Ко всем рабочим и работницам города Костромы», но, по свидетельству помощника начальника Костромского губернского жандармского управления в Кинешемском уезде, «на рабочих никакого впечатления они не произвели».⁵¹ В ходе стачки проявилась тесная связь рабочих с сельским хозяйством, их способность к самоорганизации, слабое влияние политических организаций. В воспоминаниях отмечается, что Кинешемские рабочие видели в партийной и профсоюзной деятельности «антихристовы происки».⁵²

Указанные особенности могут объясняться тем, что изучаемый район являлся местом сосредоточения раскольников с их особым взглядом на мир, особой этикой взаимоотношений, укорененностью корпоративных отношений и неприятием всего, что привносится в их среду извне.

Неприятие партийных агитаторов, как и приезжих революционеров нельзя объяснить только пассивностью или политической отсталостью рабочих. Как свидетельствуют источники, интересы рабочих существенно расходились с целями партийных организаторов. Анализ процесса выработки требований бастующими рабочими показывает, сколь существенны были различия этих интересов и насколько четким было представление рабочих о своих нуждах. Так, руководство стачкой Викулы Морозова в январе 1905 г., пытался взять на себя Московский комитет РСДРП. Однако рабочие «не допускали в свою среду лиц, желавших дать ей политическую окраску». Среди рабочих определенным влиянием пользовался член социал-демократической партии, поднадзорный Сергей Рождественский, но его влияние объясняется скорее не партийной принадлежностью, а тем, что он являлся сыном священника.⁵³ В начале марта завершились стачки на фабриках Морозовых, а в ходе волнения на фабрике Викулы Морозова 18 марта был избит агитатор минувшей стачки – Морев и убит рабочий, подозреваемый в доносах. На предприятии В.Е. и А.Ясунинских главной причиной движения в январе 1905 г. было недовольство рабочих директором прядильной и ткацкой фабрики Быковым и некоторыми другими представителями фабричной администрации. Рабочие требовали отменить вычеты за пользование квартирой и баней, предоставить беременным шестинедельный оплачиваемый отпуск. Все остальные требования, в том числе недопущение вмешательства войск и полиции в ход стачки, что могло бы рассматриваться как отклик на события 9 января, были выставлены по инициативе партийных агитаторов и рабочими не отстаивались.⁵⁴

Требования ивановских рабочих также ярко отразили их настроения. В начале летней стачки требования были предъявлены по предприятиям. Они в наибольшей мере отразили нужды рабочих и истоки их недовольства. Так как стачка была общегородской, были выдвинуты общие требования от имени всех рабочих, подготовленные на партийных конференциях Иваново-Вознесенской большевистской группы Северного комитета РСДРП. 9 мая на такой конференции был сформулирован костяк общих требований в количестве 26 пунктов, наиболее соответствовавших интересам рабочих.⁵⁵ В их основу были положены экономические требования, учитывавшие особенности местного текстильного производства. К экономическим требованиям, предполагавшим законодательные изменения и поэтому традиционно относимые историографией к политическим, могут быть отнесены следующие: 8-часовой рабочий день, установление минимума зарплаты, выборные комиссии от рабочих и администрации для установления правил внутреннего распорядка и разрешения недоразумений, пенсии потерявшим трудоспособность вследствие слабости, болезни, старости в размере двух третьей заработка. Политическими по сути требованиями были следующие: уничтожение фабричной полиции и тюрем на фабриках, невмешательство войск во время забастовки в дела рабочих, право свободно собираться и обсуждать свои нужды, объединяться в союзы, свободно писать в газетах о нуждах рабочих.

11 мая на повторной партийной конференции требования были дополнены до 31 пункта. Причем возникло 2 варианта добавочных требований:

первый вариант ⁵⁶	второй вариант ⁵⁷
27. свобода союзов и стачек;	27. уничтожение больничных билетов и бесплатное пользование рабочих больниц;
28. устройство народного дома;	28. плата квартирных денег одинокому в размере 3-х рублей, а семейному - 6 руб;
29. введение всеобщего обязательного образования для мальчиков и девочек;	29. постройка народного дома и свободная подписка на него;
30. немедленный созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права;	30. устройство рабочих касс взаимопомощи;
	31. установления празднования 1 мая и 19 февраля.

26 требований, выработанных 9 мая, и второй вариант дополнений были предъявлены фабрикантам от имени бастующих рабочих, как более соответствующие их настроениям. Первый вариант нашел выражение лишь в виде листовки, изданной партийной группой.

Впоследствии Иваново-Вознесенские большевики постарались все же внедрить в сознание рабочих политические требования. В результате обсуждения на общегородских собраниях 16-22 мая, было сформулировано «заявление» выборных от Иваново-Вознесенских рабочих министру внутренних дел, подписанное депутатами Совета 28 мая. Это заявление содержало требования правового порядка: 8-часовой рабочий день, невмешательство начальства в дела рабочих, законодательное закрепление права рабочих на получение пенсии, уничтожение фабричной полиции и тюрем при фабриках, свободы печати и собраний. Эти требования отражены в принятых первоначально 26-ти пунктах, но появились и новые: невмешательство фабричной инспекции в работу выборных из состава рабочих и владельцев комиссий, а вместо учредительного собрания содержалось требование народного представительства, созванного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права с целью обсуждения рабочего вопроса. Здесь же выражено недоверие министерской комиссии по рабочему вопросу из числа чиновников и фабрикантов.⁵⁸ Как видим, хотя заявление и состоит полностью из требований политического характера, прошедших обсуждение среди рабочих, однако в них существенно смещены акценты. Не учредительное собрание, собираемое для решения вопросов о государственном переустройстве, а народное представительство с узкими конкретными полномочиями – удовлетворение нужд рабочих. Партийные организаторы в интересах продолжения борьбы откорректировали предлагаемые требования в соответствии с интересами рабочих.

Представленный материал показывает, что использование таких характеристик рабочих как «отсталые», «передовые», «распропагандированные» не всегда оправдано. Вполне естественно, что в течении 1905 г., по мере углубления революции в стране, происходила политизация рабочего движения. Однако, одновременно шла и его радикализация, вылившаяся не только в активизацию стачечной борьбы и митинговую стихию, но и в массовое монархическое движение. Провинциальные рабочие в ходе забастовок добивались достаточно конкретных, хорошо осмысленных целей. Политические лозунги первоначально не пользовались вниманием, затем, хотя и включались в перечни требований забастовщиков, но, ли-

бо «редактировались» участниками выступлений, либо упоминались формально, не получая реальной поддержки. В ходе многочисленных выступлений постоянно происходила координация устремлений партийных лидеров с интересами рабочих. Это ставит перед исследователями задачу сравнительного изучения требований, предъявляемых рабочими в процессе социальных конфликтов с теми лозунгами и требованиями, которые предлагались им агитаторами или содержались в партийных листовках. Рабочие демонстрировали способность к самостоятельной организации коллективных стачек с участием десятков предприятий. Они настороженно относились к пришлым ораторам и выдвигали из своей среды немало талантливых организаторов.

При всей сложности агитационной работы, следует отметить активную, настойчивую деятельность агитаторов. Помимо преследований со стороны властей, они рисковали быть не только отвергнутыми рабочей аудиторией, но, в ряде случаев, подвергали опасности свою жизнь.

---

¹ См.: Белов А.М. Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в революции 1905-1907 гг. Автореф. диссерт. д.и.н. –М., 1998. – С. 3; Михайлов Н.В. Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в.//Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917 г. /Отв. ред. С.И.Потолов. – М., 1997. – С. 149-166.

² См.: ЦДНИКО. – Ф.383.-Оп.1.-Д.56.-Л.20-20об; Белов М.Н. О борьбе пролетариата Центральной России накануне первой русской революции. //Из истории классовой борьбы и национально-освободительного движения. Сборник науч. трудов. – Вып. 145. – Ярославль. 1976. – С.43-56.

³ РГИА.-Ф.23.-Оп.30.-Д.53.-Л.276-281об.

⁴ РГИА.-Ф.1328.-Оп.2.-Д.2.-Л.104.

⁵ РГИА.-Ф.23.-Оп.30.-Д.53.-Л.343-343об.

⁶ ГАКО.-Ф.133.-Оп.31.-Д.133.-Л.19-19об; ГАИО.-Ф.349.-Оп.1.-Д.532.-Л.76об-77,82-82об.

⁷ РГИА.-Ф.23.-Оп.30.-Д.53.-Л.346; ГАКО.-Ф.749.-Оп.1.-Д.243.-Л.94-96; ГАИО.-Ф.349.-Оп.1.-Д.532.-Л.77-77об,82-82об,86-86об.

⁸ РГИА.-Ф.23.-Оп.30.-Д.4.-Л.59-60об; -Ф.1354.-Оп.3.-Д.1420; ГАРФ.-Ф.102.-3-е дело произв.,1907 г.-Д.1.Ч.17.Л.А.-Л.19,26; ГАВО.-Ф.266.-Оп.1.-Д.2353.-Л.110-112; ГАИО.-Ф.338.-оп.1.-Д.240.-Л.42-46об.

⁹ РГИА.-Ф.23.-Оп.30.-Д.4.-Л.60об.

¹⁰ Первый Совет рабочих депутатов, 1905, Иваново-Вознесенск: Время, События, Люди. –М., 1985. – С.102.

¹¹ ГАЯО.-Ф.73.-Оп.4. Д.4496.-Л.4об.

¹² ГАЯО.-Ф.906.-Оп.4.-Д.414.-Л.219-219об.

¹³ РГИА.-Ф.23.-Оп.30.-Д.53.-Л.310-311; Караваев П. 1905 год в Костроме.//1905 год в Костроме. Сб. статей./Ред. Я.А.Андреев. – Кострома, 1926. – С.38-66.

¹⁴ М.В. Фрунзе. Собрание сочинений в 3-х т.-М.,1929.-Т.1. – С. 508-509.

¹⁵ ГАИО.-Ф.338.-Оп.1.-Д.240.-Л.8об.

¹⁶ См.: РГИА.-Ф.23.-оп.30.-Д.4.-Л.49,53; ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1463.-Л.128,132,154-155; -Ф.704.-Оп.1.-Д.463; ГАИО.-Ф.338.-Оп.1.-Д.240.-Л.12-13об.

¹⁷ ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1463.-Л.149,155-156об,168-168об; РГИА.-Ф.23.-Оп.30.-Д.4.-Л.54об-55.

¹⁸ ГАВО.-Ф.266.-Оп.1.-Д.2395.-Л.71; -Д.2379.-Л.70-78.

-
- ¹⁹ См.: РГИА.-Ф.23.-Оп.30.-Д.4.-Л.80-81; ГАИО.-Ф.338.-Оп.1.-Д.238.-Л.34-34об,36-37,41.
- ²⁰ ГАРФ.-ДП.-ОО.-Ф.102, 1906г, II отд.-Д.4.ч.30.-Л.116, 155.
- ²¹ Революционное движение в 1905-1907 гг. в Костромской губернии. Сб. док-тов. – Кострома, 1955. – С. 147-148.
- ²² РГИА.-Ф.1405.-Оп.530.-Д.181.-Л.70об-71; ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1466.-Л.24; ГАЯО.-Ф.906.-Оп.4.-Д.414.-Л.412-413об,429-431; -Д.455.-Л.34-38.-Ф.73.-Оп.4.-Д.4496.-Л.118,128.
- ²³ ГАЯО.-Ф.906.-Оп.4.-Д.414.-Л.410-411.
- ²⁴ РГИА.-Ф.587.-Оп.56.-Д.235.-Л.51об; ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1481.-Л.24-25,31-32.
- ²⁵ ГАЯО.-Ф.906.-Оп.4.-Д.414.-Л.497-499об.
- ²⁶ ГАКО.-Ф.133.-оп.31.-Д.122.-Л.4-5.
- ²⁷ Северный край,1905,-8 ноября,-№ 263.
- ²⁸ См.: РГИА.-Ф.23.-Оп.30.-Д.4.-Л.85;-Ф.587.-Оп.56.-Д.235.-Л.51об,1125;-Ф.1405.-Оп.323.-Д.1475.-Л.1-2об,42-45;-Оп.530.-Д.181.-Л.80; ГАРФ.-Ф.102.-3-е делопроизв., 1906г.-Д.1.Ч.19.Л.Б.-Л.5-5об; ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1453.-Л.1,3;-Д.1496.-Л.9-9об;-Д.1462.-Л.181об,257-258;-Д.1487.-Л.2;-Д.1496.-Л.10;-Д.1540.-Л.12-12об; -Ф.266.-Оп.1.-Д.235.-Л.90-90об; ГАИО.-Ф.4.-Оп.1.-Д.906.-Л.237-238; ГАЯО.-Ф.73.-Оп.4.-Д.4496.-Л.165-165об,178,228-229;-Д.4498.-Л.ю178,237-238;-Ф.674.-Оп.3.-Д.73.-Л.17;-Ф.906.-Оп.4.-Д.472.-Л.3-3об;-Д.486.-Л.3-3об;-Д.414.-Л.435-439об; Русские ведомости,-1905,-27 октября,-№ 282; Северный край,-1905,-2 ноября,-№ 257; Костромской листок,-1905,-30 октября,-№ 107.
- ²⁹ ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1462.-Л.257-258.
- ³⁰ ГАРФ.-Ф.102.-3-е делопроизв.,1906 год.-Д.1.-Ч.46.Л.Б.-Л.11-11об; ГАИО.-Ф.349.-Оп.1.-Д.534.-Л.58-59;-Д.532.-Л.322-324; Костромской листок,-1905,-№ 9,23,27 ноября; 2,14 декабря,-№ 111,117,119,124,125; Северный край,-1905,-13,27 ноября,-№ 268,281.
- ³¹ ГАРФ.-Ф.523.-Оп.1.-Д.81.-Л.2об; ГАЯО.-Ф.73.-Оп.4.-Д.4496.-Л.311; Северный край,-1905,-26,28 ноября, 5 декабря,-№ 280,282,289.
- ³² ГАРФ.-Ф.110.-Оп.1.-Д.943.-Л.183об-196.
- ³³ См.: РГИА.-Ф.1405.-Оп.530.-Д.181.-Л.70об-71; ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1466.-Л.16;-Ф.704.-Оп.1.-Д.492.-Л.6-7об; ГАЯО.-Ф.906.-Оп.4.-Д.455.-Л.4-5,9-10;-Ф.397.-Оп.2.-Д.1-13.-Л.119-120об.
- ³⁴ ГАЯО.-Ф.906.-Оп.4.-Д.414.-Л.423об; -Ф.674.-Оп.3.-Д.73.-Л.17.
- ³⁵ См.: РГИА.-Ф.23.-Оп.30.-Д.4.-Л.85;-Ф.1405.-Оп.530.-Д.323.-Д.1475.-Л.1-2,7об; ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1462.-Л.161-161об,257;-Ф.266.-Оп.1.-Д.235.-Л.7;-Д.2355.-Л.90-90об; Русские ведомости,-1905,-27 октября,-№ 282.
- ³⁶ См.: РГИА.-Ф.23.-Оп.30.-Д.4.-Л.85об;-Ф.273.-Оп.12.-Д.371.-Л.77;-Ф.1405.-Оп.323.-Д.1475.-л.1-62об; ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1462.-Л.167-170,172-172об,182-183об,201,258-258об;-Ф.266.-Оп.1.-Д.2356.-Л.70об; ГАИО.-Ф.4.-Оп.1.-Д.906.-Л.237-283.
- ³⁷ РГИА.-Ф.1328.-Оп.2.-Д.10.-Л.28-29.
- ³⁸ РГИА.-Ф.1328.-Оп.2.-Д.10.-Л.29; ГАВО.-Ф.266.-Оп.1.-Д.1516.-Л.4-4об.
- ³⁹ ГАВО.-Ф.709.-Оп.2.-Д.5.-Л.65-65об.
- ⁴⁰ РГИА.-Ф.1328.-Оп.2.-Д.10.-Л.29.
- ⁴¹ ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1461.-Л.45-47.
- ⁴² Сравни некролог в «Новой жизни»,-1905,-№ 21 и рапорт Иваново-Вознесенского полицеймейстера от 17 января 1906 г.: ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1461.-Л.29-29об.
- ⁴³ См.: РГИА.-Ф.1405.-Оп.530.-Д.181.-Л.141-141об; ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1481.-Л.129; ГАИО.-Ф.349.-Оп.1.-Д.533.-Л.17об-18;-Д.534.-Л.55-55об.

-
- ⁴⁴ Подвойский Н. Первый Совет рабочих депутатов (Иваново-Вознесенский-1905 г.) – М., 1925. – С. 4-5; См. также фрагменты воспоминаний Самойлова Ф.Н. в кн.: Первый штурм самодержавия, 1905-1907-М., 1989. – С. 115.
- ⁴⁵ ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1462.-Л.2.
- ⁴⁶ ГАВО.-Ф.266.-Оп.1.-Д.2422.-Л.13-13об,78-99.
- ⁴⁷ ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1612.-Л.128.
- ⁴⁸ См.: ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1463.-Л.238; ГАИО.-Ф.337.-Оп.1.-Д.25.-Л.12,26,49-50об.
- ⁴⁹ РГИА.-Ф.23.-Оп.30.-Д.53.-Л.321-321об.
- ⁵⁰ Ковнатор Роза. Рабочее и социал-демократическое движение в Кинешемском районе 1897-1910 гг. //Пролетарская революция, 1924. № 6 (29). – С. 148.
- ⁵¹ ГАИО.-Ф.349.-Оп.1.-Д.532.-Л.35об.
- ⁵² ГАРФ.-Ф.6868.-Оп.1.-Д.314.-Л.2.
- ⁵³ ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1451.-Л.212об.
- ⁵⁴ ГАВО.-Ф.266.-Оп.1.-Д.2395.-Л.71; -Д.2379.-Л.70-78.
- ⁵⁵ Отчет о конференции. См.: Пролетарий,-1905,-3 июня,-№ 4. Требования см.: ГАВО.-Ф.14.-Оп.5.-Д.1463.-Л.70.
- ⁵⁶ Всеобщая стачка Иваново-Вознесенских рабочих в 1905 г. Сб. док-тов. – Иваново, 1955 – С. 107-108.
- ⁵⁷ РГИА.-Ф.23.-Оп.30.-Д.4.-Л.42-44об; ГАИО.-Ф.338.-Оп.1.-Д.240.-Л.9-11. Всеобщая стачка... – С. 118-126.
- ⁵⁸ ГАРФ.-Ф.6868.-Оп.1.-Д.234.-Л.3.